

АЗБУКА ВЕРЫ

д. Андрей

Религия консерваторов или подлинное богопознание?

Религия консерваторов или подлинное богопознание?

д. Андрей

В этот вечер мне бы хотелось предаться главному делу своей жизни – апологетике, то есть защите Православной веры перед лицом критики, которая не всегда бывает справедливой. И вот один из критических стереотипов внецерковного мышления, который доминирует в наше время, это обвинение Православной Церкви в консерватизме.

То, что Православная Церковь консервативна, – это факт. Более того, это самая консервативная из всех христианских конфессий. А вот относиться к этой консервативности можно по-разному. Сама Церковь, например, радуется своей консервативности... Стремление не быть современным, не соглашаться с современностью, может, и считается в мире признаком чего-то смертного. Но в церковном переживании это скорее признак жизни. Только живое существо может плыть против течения, сопротивляться ему. Ведь издавна известно, что мера совершенства живого организма определяется степенью его независимости от перемен окружающей среды. Например, хладнокровные животные считаются менее совершенными, чем теплокровные. Так, скажем, в Магадане своеобразный животный мир. Там, кроме теплокровных и хладнокровных животных, есть еще и бескровные. И вот попробуй, пойми, кто они: растения или животные?

Я помню, как несколько лет назад в Великую субботу полетел в Берлин. И вот встречает меня в епархии владыка Феофан и говорит: «Отец Андрей, у меня дома есть нечего, пойдёмте в какой-нибудь ресторан, я Вас угощу». Я подумал: «Как это можно есть в ресторане в Великую субботу?». Мы заходим, и владыка заказывает креветок. Вначале я очень удивился этому. Но затем у меня возник вопрос: а как по-церковнославянски звучит слово «креветка». Оказывается, как «черепоконий». Это такой класс существ, вроде крабов, креветок, раков и так далее. Так вот по Типикону этих «черепоконий» можно есть даже в дни самого строгого поста, даже когда постного масла нельзя. Почему? Дело в том, что когда Аристотель давал классификацию животным, он не знал, к какому классу можно

отнести живые организмы, не имеющие крови. И он отнес их к растениям. А православные монахи сказали: «Ну что же, растения так растения – будем есть постом». Эти полурастительные существа находятся ниже, чем, скажем, растения или животные, и более зависимы от перемен в окружающей среде. Вот, например: «Я теплокровное животное. Это означает, что, сколько бы ни было на улице – плюс двадцать или минус двадцать, я знаю, что у меня мои родные тридцать шесть. А вот если однажды мои давления (внутричерепное, глазное или артериальное) сравняются с давлением, которое было указано метеорологическим центром, то я в стану частью окружающей среды. Так вот у животных есть свойство поддерживать свой внутренний климат, то есть «жить из себя самого». Интересно, слово «свобода» в греческом языке звучит как «жизнь из себя самого», то есть «самобытие». Удивительно когда-то сказал Пушкин: «Отломано от века на волю Бога Самого, самостоянье человека – залог величия Его». Вот это само стоянье, самобытие и есть человеческая свобода. Свобода Церкви – это возможность следовать своей традиции, строить себя, исходя из самой себя, а не из тех идеологических и культурных мод, которые регулярно меняются во внецерковном мире. Поэтому консерватизм в церковной среде воспринимается не как недостаток, а как повод для радости.

Есть еще одна причина церковного консерватизма. Мир религии – это мир, в котором человек живет всецело. Причем живет не просто как думающая механическая машинка, а как человек со своей эмоциональной частью. Это означает, что мы входим в мир религии своим сердцем и любим то, во что верим, а не только размышляем над этой темой. Дело в том, что любовь – это самое консервативное чувство. Вот, к примеру, молодая пара: познакомились, полюбили друг друга. И вдруг девушка делает новую прическу. Как на это реагирует парень? Вряд ли это будет для него великой радостью. «Я же тебя полюбил, когда ты заплетала вот такие косички. Ну, зачем ты сделала вот это чучело на голове? Мы видим, любовь – это консервативное чувство, она старается сохранить ту минуту первой влюбленности, открытости и встречи. Так вот те частности, мелочи, подробности церковной жизни, которые человек застал в пору своего вхождения в Церковь, дороги для него навсегда. Вот, например, мне очень больно в последнее время приезжать в Троице-Сергиеву Лавру.

И только потому, что там посадили другие кустарники. Там уже не те деревья и кусты, которые росли в то время, когда я был семинаристом. Да они были запущены. Сейчас же там все по науке, все по-японски – всюду искусственные садики. Все это здорово. Европейцам там, наверное, очень нравится. Но вот своей родной Лавры я не узнаю.

Наверное, у каждого человека, который работает дома, постоянно возникают конфликты с домашними. Потому что матери или жене постоянно кажется, что ты неправильно «бумажку в книгу положил». Стоит, скажем, мне уйти из дома, как женщина тут же принимается наводить порядок на моем письменном столе. Им кажется, что они навели порядок. Но я каждый раз в ужасе. Потому что это мой родной беспорядок. Я запомнил, где у меня какая ручка или записка лежит и какая книга на какой странице загнута или раскрыта. Это мой родной хаос. И вот когда кто-то со стороны приходит и наводит порядок, я теряю творческую ориентацию. Быть может, со стороны кажется, что нужно навести порядок, надо что-то поменять. Но для того, кто живет в таких условиях, это не хаос, а естественная форма существования. Вообще, в современном мире церковный консерватизм – это жертва. Вот, например, юродивый человек жертвует своей репутацией для того, чтобы донести людям что-то более важное. Такой пример юродства мы находим в книге церковного писателя советского времени Сергея Фуделя «У стен Церкви». Примечательно, что свидетелем этого случая был он сам. В кафедральном соборе совершается торжественное всеобщее бдение. В центре храма на кафедре стоит архиерей. По обе стороны от него в две шеренги разместились духовенство. И вот у одного служащего священника жутко разболелась голова, так что он чуть не потерял сознание. Когда боль стала невыносимой, он вышел из общего строя. Подойдя к центральной иконе, опустил палец в лампадку. Затем, помазав больное место елеем, снова вернулся в строй. Это тоже своего рода юродство, когда человек нарушает правила видимого благоприличия ради того, чтобы быть ближе к Богу. Мне кажется, что когда Церковь в современном мире сохраняет все подробности своей жизни и всецело занимает консервативную позицию, это и есть юродство – жертва репутацией в глазах изрядной части общества. Но эту жертву она приносит ради выживания народа как такового.

Потому что это необходимое условие существования человека. В мире, когда все вокруг меняется, хоть что-то должно оставаться неизменным, иначе голова закружится.

Наверное, у каждого человека есть такое понятие, как «бабушкин дом». И вот представим себе, что студент приезжает из столицы к бабушке на каникулы. Бабушка вышла встречать внука. И вот пока они идут, она и говорит: «Ты знаешь, я так тебя ждала. Даже в хате евроремонт к твоему приезду сделала». Интересно, обрадует ли эта новость внука? Ведь у современного человека есть более чем достаточно способов жить в современном мире: можно ходить в интернет-кафе, смотреть телевидение и так далее. А есть у человека для того, чтобы быть человеком, очень важное право, которое Мария Цветаева называла «правом не быть собственностью современности». Это право «выпадать из гнезда», право быть самим собой. Вот, например, лет двадцать тому назад я, сам того не желая, здорово подвел одну девушку. Мы были с ней в очень хороших отношениях, часто встречались на каких-то международных конференциях и беседовали на философские темы. И вот как-то я признался ей, что совсем не марксист и в учении Маркса мне наиболее непонятно понимание человека как «совокупности общественных отношений». Я ей сказал, что не хочу быть совокупностью чьих-то отношений. Спустя годы мы оказались с ней на какой-то философской встрече. Вдруг лектор произносит фразу: «Человек – это совокупность общественных отношений». Она записывает ее в тетрадь и тут же на полях, вспоминая мой комментарий, пишет: «Я не хочу быть совокупностью чьих-то отношений». На самом деле все это очень важно. Либо человек сводится к контексту своей жизни, или у него есть право говорить «нет» тем влияниям, которые идут к нему извне через пропаганду. Итак, Церковь своей подчеркнутой несовременностью, своим консерватизмом дает человеку право выбора. Чьим современником ты хочешь быть – Жириновского или Достоевского; Филиппа Киркорова и его жены или же Андрея Рублева?

Но есть у нашего консерватизма и богословское обоснование. Христианство – это историческая религия. Это не просто возвещение вечных истин вроде таблицы умножения: дважды два – четыре.

Христианство – весть о событии, которое произошло в истории человечества однажды. Ведь не напрасно в Символе веры упоминается имя Понтия Пилата. Казалось бы, для богословия это ничего не значащий персонаж. Но, тем не менее, в Символе веры имен апостолов и евангелистов нет, имена Моисея или Давида также отсутствуют, а имя Пилата есть. Это имя для нас важно как указание на исторические обстоятельства. Вот именно в это время, в этом месте, когда именно этот Понтий Пилат был прокуратором Иудеи. Что это означает для богословия и церковного консерватизма? Ведь на Христа по-разному можно смотреть. На Него можно смотреть глазами толпы, которая видела в Нем так называемого «Кашпировского I-го века» – генератора чудес. И в Евангелии Христос говорит таким людям: «Вы ищете Меня, потому что насытились». Такой потребительский взгляд не делает человека христианином. Человеку, который ищет религию для того, чтобы ему было лучше, чтобы получить от нее какую-то магическую помощь, все равно куда обращаться. Можно даже заранее сказать, что шаманы обслуживают его лучше. Есть в Евангелии фарисейский взгляд на Христа. Но это не христианская позиция. Есть взгляд Понтия Пилата – холодный, расчетливый, ищущий политическую выгоду. Это также не христианская позиция. Есть также взгляд Иуды-предателя. И, наконец, есть взгляд апостолов. Быть христианином означает смотреть на Христа глазами апостолов. И смотреть на Христа глазами апостолов очень важно, потому что они были свидетелями. Ни Лев Толстой, ни Блаватская, ни Елена Рерих не были свидетелями жизни, проповеди, страданий и Воскресения Христа, а апостолы были. Свидетельство современника, очевидца оказывается нормативным. Христианин, в каком бы столетии он ни жил, должен сопоставлять свое восприятие Христа и отношение к Нему с тем, которое выразили апостолы в своих проповедях. Конечно, свидетель может ошибиться. Но когда речь идет об апостолах, есть такая подробность: в греческом языке слово «свидетель» передается как «мартиро». А на русский язык это слово не всегда переводится как «свидетель». Гораздо чаще славянские книжники переводили его как «мученик». Дело в том, что архаичный способ судопроизводства предполагает, что свидетель на суде должен пройти через свою боль. Вот, например, если человек доносит на кого-то и от этого доноса зависит судьба обвиняемого, то

судопроизводство действовало по принципу «первый кнут доносчику». Отсюда выражения: «подлинная правда», «подноготная правда». Свидетеля пытали для того, чтобы он своей болью и кровью подтвердил то, что он говорит о другом человеке. Уже в девятнадцатом веке французский философ Паскаль говорил: «Я доверяю только тем свидетелям, которые дали себе перерезать глотку». Апостолы дали себя убить за свое свидетельство и проповедь. Поэтому для христиан апостольская проповедь становится нормативной, и они должны сопоставлять себя с их свидетельством.

Есть еще одна богословская причина консерватизма церковной традиции. Через всю Библию проходит странный сюжет о Боге, Который ищет человека. У Александра Галича была песня с постоянным припевом: «Я вышел на поиски Бога». Библия же рассказывает нам историю, как «Бог вышел на поиски человека», начиная с момента, когда человек, преступив заповедь, прячется под деревьями, и Бог выходит, взывая: «Адам, где ты!», и оканчивая эпизодом из апокалипсиса, где мы видим слова Христа: «Се стою у двери и стучу, и к отворяющему Мне войду и с ним буду». Иногда, чтобы понять какую-то книгу, важно заметить, чего в ней нет. Так, например, есть ли в Евангелии притча о судьбе некой овечки, которая отбилась от стада? На нее напали злые волки, но у нее был черный пояс по каратэ, как у Президента Путина. Благодаря этому она своими рождками и копытцами отбилась от «серых» разбойников. Потом, как заядлая овчарка нашла по запаху пастыря, бросилась ему на шею и сказала: «Вот я, дорогой пастырь, дай мне орден за мужество первой степени». Такой притчи в Евангелии нет. И здесь важно заметить, что не мы нашли Бога, а Он нашел нас. И тут важно само ощущение христианина: «Я прав не потому, что я умнее буддиста или мусульманина, а потому что Бог привел меня в Церковь. Не я, сравнив всех, понял и могу все опровергнуть. Не в этом дело». Есть еще ощущение подлинности. И с этим связано понятие Церковь. Церковь по-гречески звучит как «эклиссия». Почти во всех учебниках по богословию говорится, что слово «эклиссия» означает собрание. Но это неправда. Чисто филологически приставка «эк» - жить, а само слово «эклиссия» происходит от глагола «экскалео», что означает, «вызываю на бой». Так вот Церковь - это собрание вышедших. У одного американского писателя-фантаста есть роман, который еще в

юношеские годы запал мне в душу. Произведение написано в стиле антиутопии. Автор изображает идеально-отвратительный мир типа оруэловского «1984-го». И вот в этом отвратительном мире у власти находится каста экстрасенсов-телепатов, которые могли читать мысли других. Ну, понятное дело, если ты можешь читать мысли своего начальства, то быстро сможешь сделать карьеру в любой сфере. И вот, встретившись «наверху», где-то, грубо говоря, в совете министров или парламенте, они понимают, что все «одного поля ягоды». Поэтому и решают создать своеобразную парамасонскую ложу. Они не могут публично сказать, кто они и как им удалось сделать карьеру, потому что толпа «маглов» (лексикон из книги «Гарри Поттер») растерзает их. Поэтому они прячутся. И вот возникла проблема. Если в романе о Гарри Поттере дар волшебства передается по наследству, то в этом произведении такого не происходит. Возникает вопрос: как же быть дальше? Кому передать свою власть и знания? Где найти молодых телепатов? Дать объявление в газетах невозможно, так как толпа растерзает. Поэтому они сделали следующее. Во время вступительных экзаменов в одном из ведущих университетов страны рядом с экзаменаторами садится мощный телепат, который начинает невидимо вещать: «Кто меня слышит, войдите в комнату № 106». И те ребята, у которых есть хотя бы задаток пассивной телепатии, думая, что это говорят по радио, идут в названную комнату. На этом вступительные экзамены для них заканчиваются. Ложа берет их под свой контроль, покровительство, обеспечивает им поступление в университет и дальнейшую карьеру.

Именно так устроена Церковь. **Церковь - это собрание людей, которые расслышали, что их зовут. Хотя Господь обращается ко всем людям, но не все слышат.** А вот те, которые в какую-то минуту расслышали, что к ним обращается Господь, вышли из привычной колеи своей жизни. Вот такие люди, вышедшие из своего рода, из своих старых традиций, оставившие отца и мать свою, и составляют церковное собрание. Как в Афинах, «эклиссия» - технический термин, который обозначает собрание людей, имеющих право голоса. Как и в греческом переводе Ветхого Завета это слово обозначает «собрание Израиля», но не всех живущих в Палестине, а только принадлежащих к избранному народу. Таким образом, люди, которые услышали этот зов, и составляют Церковь.

Я не могу удержаться, чтобы не процитировать одного из моих любимых «богословов», незаслуженно забытого, – Винни-Пуха. Однажды Пятачок подошел к нему и попросил сочинить заповедь ко дню рождения ослика Иа. На это Винни-Пух ответил: «Видишь ли, Пятачок, это не так-то просто. Ведь поэзия – это не такая штука, которую ты находишь, а которая находит тебя. И поэтому единственное, что мы можем сделать, это пойти и стать на то место, где нас могут найти». Вот это поразительное определение Откровения: «То, что меня нашло, а не то, что я нашел». А отсюда очень важен вывод: человек, который знает, что его нашли, чувствует себя по-иному, нежели изобретатель. Одно дело, если я знаю, что я что-то сделал, – это мое. И тогда это моя вещь – куда хочу, туда и ставлю. Поэтому естественно, что если данную книгу написал я, значит, я имею полное право ее исправить, сократить или дополнить. Но христианская вера нами переживается не как то, что сделали мы. А раз христианство – это не плод человеческой культуры, тогда мы не имеем право менять его и подвергать суду, хотя иногда очень хочется. Честно говоря, иногда очень хочется изменить что-то даже в Евангелии. Вот, например, слова: «Трудно войти богатому в Царство Небесное». Это очень не современный текст. Можно ведь и просто сказать: «Олигархов пускают без очереди». Или, помните, что там говорится: «Блаженны нищие духом...». Было бы неплохо, если бы там было написано: «Блаженны профессора богословия». Итак, многое хотелось бы изменить в Евангелии, но нельзя. И именно потому, что христианство – это дар, многим оно становится непонятным.

Но если бы однажды настал момент, когда все христианство стало бы для меня понятным, в этот день я бы, наверное, стал атеистом. Я бы подумал, что умные люди однажды собрались и все вот это изготовили. И, значит, тогда на всем христианстве нужно ставить жирный штамп: «Сделано человечеством. Это не от Бога». Поэтому когда я вижу в христианской догматике какие-то рациональные несовместимости, как, например, догмат о Святой Троице: «три равняется одному» или, скажем, как совместить два догмата? А именно о Божественном всеведении и догмат христианской антропологии: «человек – это свобода»? Еще христианский философ X-го века Бойль недоумевал: «Какое божество меж истин двух войну

зажгло?» Он имел в виду две истины: истину Божественного всеведения и человеческую свободу. Причем здесь не может быть никакого процентного соотношения. Нельзя сказать, что на девяносто процентов мир и моя судьба зависит от Бога, а на два процента от меня. Будет гораздо правильнее, если мы скажем, что на сто процентов она зависит от Бога и настолько же от меня. На уровне теории это трудно совместить, а на уровне практики Фома Аквинский дал прекрасный ответ: «Мы должны молиться так, как если бы все зависело только от Бога, а работать мы должны так, как будто все зависит от нас». На уровне практики это очень точный ответ, а вот на уровне теории, пожалуй, ни одному христианскому философу не удалось ответить на этот вопрос абсолютно понятно.

Однако я поставлю на полях еще одну пометку. Проблема эта действительно очень сложная. А удивительно вот что: эта проблема отсутствует в индийской философии. Какое бы направление индийской мысли мы не взяли, там эта проблема просто не ставится. В индийской философии не обсуждают вопрос самостояния человека перед лицом Божества. «Ты есть божество. А как я, являясь частью этого божества, могу не зависеть от целого, частью которого я собственно являюсь». Вот почему эта проблема перед индусами даже не ставится.

Если я до конца не знаю, как что устроено, я должен быть предельно осторожен, когда пробую вмешаться или что-то поменять. Весь опыт двадцатого века учит нас тому, как опасно бывает человеческое вмешательство в те процессы, смысла которых мы до конца не понимаем. Так вот хотя бы этот печальный опыт реформ должен бы был научить нас осторожности при провозглашении призывов вроде: «А давайте еще дореформируем и Церковь». И вот я полагаю, что ради того, чтобы сохранить душевное и психологическое здоровье нации, у которой и так голова кругом идет от всевозможных перемен, именно сейчас Церковь должна сохранять консервативную позицию. Более того, я считаю, что консерватизм – это источник радости. Ведь великая радость, когда хотя бы где-то не нужно ничего менять. Вот, например, я веду достаточно творческий образ жизни: все время в поездках, нужно интенсивно работать умственно. Все время нужно что-то писать, давать какие-то интервью, и мне это очень нравится.

Вспоминается случай, когда лет десять тому назад Святейший Патриарх Алексий предложил мне на выбор любой храм Москвы: «Вот куда хочешь, туда тебя и определим». Я долго не думал и сразу выбрал храм Св. Иоанна Предтечи на Красной Пресне. К этому решению у меня был свой мотив: здесь я крестился, был прихожанином, оттуда брал направление в семинарию. И вот как только я сказал это, у Патриарха мелькнула по лицу какая-то странная тень. Подготовили указ и меня определили. А спустя некоторое время я стал выяснять в Патриархии, почему Святейший тогда так отреагировал. И оказалось, что этот храм считается ссыльным. В советские времена священников, которые проштрафились перед государством, высылали в отдаленную местность. Те, которые нарушили какие-то церковные каноны или правила, скажем, увлекшись алкоголем, вот они-то и попадали в этот храм. Государству, конечно же, было выгодно, что в Церкви были пьянствующие священники. И чем их больше, тем больше пользы для пропаганды научного атеизма. Поэтому советская власть не требовала принятия каких-то мер по отношению к ним. Для Патриархии же это был печальный факт. Богатыми храмами считались те, что находились или на кладбище, или в районе метро. На фоне других московских храмов наш считался бедой. И именно туда я напросился. Конечно, тогда я сразу спохватился: «Как в штрафбат...». Но сейчас очень рад, что все произошло именно так. В этом храме я почти никогда не произношу проповеди, даже в воскресной школе не преподаю. И книги мои там не продаются. Более того, я очень рад, что в этом храме я не профессор Кураев, а просто диакон; что за двадцать лет там ничего не поменялось: все молитвы, песнопения и чтения произносятся именно так, как и много лет назад. И поэтому мне очень дорого, что в моем храме нет каких-то приключений и изменений. Там все те же лица, те же молитвы. Может быть, и те же грехи. Вот на этом мне хотелось бы завершить обоснование тезиса о том, почему в Церкви считают, что консерватизм «это хорошо». По этому поводу вспоминаются слова из песни Андрея Макаревича: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир...» Продолжение все мы, наверное, помним.

Теперь мне бы хотелось поговорить о еще одной негативной черте церковного консерватизма. Православие со стороны воспринимается,

как мир ограничений. Хотелось бы затронуть вопрос: что именно Церковь не разрешает, что она ограничивает? Начнем, пожалуй, с того, как Церковь ограничивает мысль человека. Те барьеры, с помощью которых Церковь ограничивает свободу философского полета мысли, называется догматами. Интересно, есть ли в этом зале эрудит, который смог бы сказать, сколько догматов в Православной Церкви. Это «вопрос на засыпку» студентам первого курса семинарии в конце года. Издалека кажется, что их безумное количество. На самом деле, если посмотреть с точки зрения строго канонической, выяснится, что в Православии только один догматический текст – «Символ веры». Таким образом, **догмат - это вероучительная истина, принятая Вселенским Собором.** Заметьте, не Поместным. Это даже не формула какого-то святого отца, не просто библейский текст. А именно библейский текст, истолкованный вероучительным определением Вселенского собора. Опять же, это не аргументы, которые приводились на соборе в пользу православного учения, а конечный вывод. Вселенских соборов в Церкви было семь, и только первый (Никейский) принял догмат в полном смысле этого слова. Все же остальные соборы лишь дополняли догматическое учение.

Теперь, с Вашего позволения, давайте на некоторое время превратим наш зал в класс воскресной школы для маленьких детишек, где на уроке Закона Божия разбирают «Символ веры». Начинается этот документ со слова «верую». И вот самое первое слово этого Символа свидетельствует о высокой культуре философской мысли. Потому что только человек с хорошим философским воспитанием может различить, где вера, а где знание. Так вот этот человек может для себя определить: «вот в это я верю, а это я знаю, а об этом у нас в городе все говорят». Вот какой-нибудь обыкновенный колдун не сможет поверить. «Да Вы что! И моя бабушка так делала, и я так делаю. Это я Вам точно говорю». То, что Православная Церковь выражает свое восприятие Бога и человека в модальности веры, уже свидетельствует об усвоении ею культуры философской античной мысли. «Верую!» Интересно заметить, что этот глагол стоит в первом лице единственного числа. Это очень важно, потому что архаическое общество мыслит ввысь. Христианство вошло в мир с удивительными

словами Тертуллиана: «христианами не рождаются, христианами становятся». Один из самых величайших даров, который христианская революция принесла миру, есть личностного самостояния. Религия перестала быть уделом только государственной или национальной традиции. Христианство предоставило людям право выбора: «Выйди из своего родства и войди в новый рай», «Вы теперь не народ, а народ Божий». И это личностное «Я» означает «верую».

Далее: «*во Единого Бога ...*» Что касается Единого Бога, то с этим тезисом навряд ли будет спорить какой-то религиозный философ. И, действительно, где мир религии становится более глубоким, чем мир магии (будь то в Индии, Греции или Палестине), философская мысль всегда приходила к выводу о единстве Бога. Всем нам известно такое мнение, что Церковь своими догмами унижает человека и ограничивает свободу его мысли. Так вот очень легко это говорить, не зная христианской догматики. Но давайте мы по ходу краткого изложения христианской догматики попытаемся выяснить, а есть ли в этом что-то унижающее человека? Итак, «верую во Единого Бога Отца...» Это очень редкое утверждение и далеко не очевидное для разных религий мира. Ведь мало кто способен видеть в Боге Отца. Для греческих поэтов и философов было очевидным, что слово «Бог» (гр: Феос) происходит от слова «феин» – убегать. Платон это пояснял так: когда-то древние люди называли богами планеты, потому что они двигались. Так вот эти планеты – Марс, Сатурн, Венера – это боги, которые постоянно двигались. Позже появилось другое понимание: боги названы богами, потому что они убегают от человеческой мысли. И вот этим-то богам до людей нет дела. Истинному Богу, по их мнению, нет дела. И даже великий Платон как-то сказал: «Те люди, которые считают, что мир создан для их блага, подобны крысам, которые живут в царском дворце и думают, что он построен для их комфорта». У человека нет надежды увидеть Отца на небесах. Разные ведические религии понимают это по-своему. Возьмем, например, даосизм. «Дао» правит миром. Но разве «дао» – это Отец? Разве можно приписать «дао» отеческую заботу и любящий взгляд по отношению к людям. Христианский Символ веры отвечает на главный вопрос, который задал когда-то Данте: «Я поднял глаза на небо, чтобы увидеть, видят ли меня». Так вот Символ веры говорит, что

наше отношение к Богу – это отношение к любящему Отцу, любящий взгляд, обращенный к человеку.

Далее: «*Верую во Единого Бога Отца Вседержителя...*» И это очень важно. Потому что это значит, что все, что происходит в мире, происходит не без воли Божества. Не все люди с этим согласны. Вот сейчас я приведу слова человека, который считает иначе. «Бог, обитающий в груди моей, влияет только на мое сознание; на внешний мир, на общий ход вещей не простирается Его влияние». В этих стихотворных строках выражено самоощущение большинства современных людей, но Бога автор этих строк не отверг. Иногда приходится слышать фразы вроде: «Бог у меня в сердце, поэтому мне не нужны богослужения». Об этом очень любит говорить известный российский актер Задорнов. Так вот, когда я от него это слышу, у меня возникает вопрос, который я, к сожалению, не могу задать ему лично: «А как Он туда попал?» «Если Бог в Вашем сердце, то как Он туда попал? Вы что, просили Его туда войти?» «Бог, обитающий в груди моей, влияет только на мое сознание; на внешний мир, на общий ход вещей не простирается Его влияние». Кто об этом догадался, кого я цитирую? Это Фауст. И продолжение: «Мне тяжело. От неполноты такой я жизнь отверг и смерти жду с тоской». Вот чему противостоит наш догмат. Бог – Вседержитель. А это означает: чтобы не произошло с тобой, пойми, любящая рука прикоснулась к тебе, пусть даже причиняя боль. И поэтому есть надежда на исцеление, на какой-нибудь рост через боль. Эта одна из главных тайн христианского переживания: попробовать понять смысл боли.

В мае прошедшего года на Сахалине у меня была встреча (запомнилось название) в Южно-Сахалинском филиале Дальневосточной государственной академии бизнеса и менеджмента. И вот на этой встрече мне был задан вопрос из зала по поводу христианского отношения к боли и страданиям. Я привел слова известного подвижника наших дней архимандрита Иоанна (Крестьянкина), которые он сказал когда-то православным врачам: «Ваша задача – научить больного любить свою болезнь». Да, с болью нужно бороться. Но если случается так, что болезнь не покидает человека, входит в него навсегда и становится хронической. Как относиться к такой боли – проклинать ее, убегать от нее или

обманывать себя? Или же попробовать понять: «Господи, Ты дал мне эту боль. Помоги мне вырасти из нее!» Одним словом, нужно полюбить свою болезнь. Рядом со мной сидел ректор этого заведения. И как только я произнес эту фразу, он как взвыл: «Так что же это, человек должен сифилис и гонорею полюбить?» Христианское понимание Бога как Вседержителя позволяет нам сохранить человечность в нечеловеческих обстоятельствах, всюду видеть смысловое измерение.

Итак: *«Верую во Единого Бога Отца Вседержителя. Творца неба и земли...»* В греческом языке слово «Творец» – «поэтос» (поэт). То есть тот, кто сочиняет стихи. Вот именно это и делает Бог согласно православной вере. Что такое стихи? «Стихия». Так вот в греческом языке это слово звучало иначе, чем в русском. Дело в том, что для современного русского языка стихия – это намек на что-то неуправляемое, стихийное, бесконтрольное, хаотическое. В греческом же языке слово это слово происходит от глагола «иду стройными рядами». Этот термин означает движение фаланги. То есть не движение толпы, которая бросается с дубинками на неандертальцев, а когда проявляется военное искусство, умение правильно двигаться на поле боя. И вот именно это правильное, регулярное передвижение и есть стихия.

Этот мир в античном понимании создан из четырех стихий: вода, воздух, земля и огонь. Все эти стихии гармонично, разумно сочетаются друг с другом, в чем-то уступая, в чем-то усиливаясь, а где-то и сплетаясь в сложный космос. Задача Творца, который изначально создал эти стихии, сделать из них пестрый ковер в космосе. Из этих стихий Бог сочиняет космос в полном смысле этого слова. Сочинять – значит располагать по чину, по порядку. В молитвах на освящение воды, которые читает священник в день празднования Крещения Господня, есть такие слова: «Ты, Господи, от четырех стихий всю тварь сочинивый...». Таким образом, Бог, как поэт, творит этот мир словом. И это очень важно в библейском видении мира: именно Божественное и поэтическое Слово, которое было вначале, и создает мир. Не физиологические отправления богов стоят у истоков космоса, как это в лирических мифологиях, где боги совокупляются и порождают космос. А есть разумное творчество,

поэтическое.

Если обратиться к современной художественной литературе, то можно увидеть, что все это красиво выражено, скорее не на богословском, а на художественном языке, в «Хрониках Нарнии» Льюиса. Это попытка передать на художественном языке изначальную библейскую христианскую интуицию. Свободное, разумное, поэтическое творчество как источник мироздания. Бог есть Творец неба и земли. Дело в том, что древние евреи не знали слова, которое несло бы такую смысловую нагрузку, как греческое слово «космос». И поэтому древние евреи, когда хотят сказать «все, кто есть», говорят: «небо и земля». Поэтому когда говорится, что Бог – творец неба и земли, имеется в виду, что Он – Творец всего. Во многих религиях у неба и земли разные творцы. Небесами управляют высокие, добрые боги, а мы тут, на земле, «как тараканы», и «бог у нас таракан». Да и вообще, Вы знаете, это какой-то бог-неудачник создавал наш мир и имя его – даже страшно сказать.

Апокрифические так называемые Евангелия называли это жуткое имя, но сказать его вслух неприлично. Так вот, какой-то жуткий демон создавал человека неизвестно из чего, какие-то страшные демоны создавали человеческие органы и т.д.» Значение этого мифа состоит в том, чтобы человек возненавидел свое тело. «Человеческое тело – это тюрьма, в которой томятся частицы Софии – высшего Бога. Поэтому возненавидь это тело, этот мир и постоянно помни, что его создавали страшные чудовища». «Поэтому не люби здесь ничего и, вообще, убегай из этого мира и т.п.»

Христианство видит мир целым. Бог, создавший дух, создал и материю. Существует один источник происхождения видимого и невидимого мира. И вот оказывается, что христианство добрым глазом смотрит на мир телесности и материальности. Потому что телесность должна быть освящена и спасена. Телесность, в конце концов, была воспринята самим Богом. Это и есть первый член Символа веры. Дальнейшие члены говорят об основных евангельских событиях.

«И во Единого Господа, Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного...». Вот очень интересное слово «единородный». Известно, что оно не библейского происхождения. Да, оно

употребляется в Новом Завете, но в греческом языке оно употреблялось еще Платоном, который прилагал его к космосу. Космос – единородный сын божества. Христианство же это слово передает от космоса к Богу-Сыну. Но ведь библейское отношение Бога и космоса – это не отношение рождения; это отношения творческие. Вот, например, есть моя книга, и есть я. Так вот отношение Бога к человеку – это мое отношение к этой книге. Я эту книгу создал, но я не являюсь пленником этой книги. Вот так и Бог не является пленником законов космоса, им созданных. Вот поэтому Бог может прощать, где законы космоса велят наказать. Поэтому для христианина не интересна идея кармы. Поэтому нам скучно в философиях, которые утверждают, что Бог не может быть независимым от кармы, что Он ей подчиняется. Вот, например, я взял свою книгу и загнул в ней страницу, а Вы ее оторвали. Так это совсем не означает, что Вы мне ухо оторвали. Эта книга и я не одно и то же. Поэтому если Вы слышите в какой-нибудь проповеди или читаете в какой-нибудь книге: «Бог, то есть космос или природа, то есть Бог» – это языческая проповедь, так как в христианстве такого равенства быть не может. Единороден Богу только Бог, единосущен Отцу только Сын. Или скажу иначе: природа нам не мать – природа нам сестра.

Далее: «...Иже от Отца рожденного прежде всех век...». Это интересная формула. Для языческого мировоззрения, скажем неоплатоников, – это вершина философии. Здесь так же присутствует идея троичности Божества. Но в чем отличие лирических триад от веры в Троицу? Дело в том, что лирические триады – это отражение единого Бога в водах космоса. В ведической философии один бог дробится на множество ликов в мире истории. Когда Бог проявляет себя как Создатель, Он являет себя в виде Вишну. Когда Он хочет показать себя как разрушитель, принимает на себя облик Шивы. Эта идея знакома истории христианской Церкви. Она принадлежит Святителю Афанасию, который никак не мог разобраться во взаимоотношениях между Богом Отцом и Сыном. Он учил, что когда Бог делает одно дело, Он проявляет себя как Отец, когда делает что-то другое – как Сын. Таким образом, у него получалось, что Отец и Сын – это маски, которые надевает на себя безличностное существо для того, чтобы поучаствовать в той или иной мировой функции. Христианская мысль разделяет богословие и космологию. Теология и

космология – это не одно и то же. И теологическое различие Отца, Сына и Духа не имеет никакого отношения к истории космоса. «Прежде всех век...». Прежде начала космической истории была Троица, независимо ни от каких космических проявлений и мироуправляющих функций.

Позже появляется интересное слово: «*единосущный*». Это слово интересно вспомнить, говоря о церковном консерватизме. Потому что использование этого слова в Символе веры – потрясающий модернизм.

Во-первых, этого слова нет в Библии. Заметьте, какое мужество нужно было иметь, чтобы для краткого изъяснения библейской веры использовать небиблейское слово.

Во-вторых, это слово уже было охвачено языческой философией, особенно неоплатониками.

И, наконец, третье: уже был богослов, который пытался позаимствовать это слово в ведической философии и привнести его в Церковь. Это прежде упоминаемый нами Павел Самосатский. И против него в 282-м году был собор в Антиохии. Так вот, каково это было: взять слово ведической философии осужденного Церковью в III-м веке, и это слово отмыть, отреставрировать и перенести в интеллектуальную икону Православия? Вера – это интеллектуальная икона Православия. Это огромный подвиг мужества. Мы с Вами можем понять, почему огромное количество церковных людей, даже святых, в свое время не приняли этот термин. С этим была связана трагедия жизни святого Василия Великого и Григория Богослова. Нет, они принимали это. Но вот, скажем, Василий Великий, как мудрый пастырь и духовник, понимал, что многие люди, которые формально не соглашались с Никейским собором, находятся не на стороне Ария. Это еретик, который считал, что Сын не единосущен Отцу, что Сын – это тварь. Поэтому, когда Бог решил создать мир, Он для начала создал «молоток», с помощью которого планировал создать все остальное. Таким образом, по мысли Ария, Сын – это инструмент, с помощью которого Бог сотворил космос, и Его никак нельзя назвать Богом. Это, конечно, возмутительная идея. Очень многие люди, и в первую очередь епископы, сказали: «Мы не согласны с Арием. Но и с Афанасием мы также не согласны. Анафема

Арию, но анафема и Афанасию. Как он мог ведическое слово, уже осужденное нашими отцами, использовать в Символе веры?» Так вот, Святитель Василий понимал, что все эти люди сердцем Православные, что они исповедуют Истину: «Иисус есть истинный Бог». Но им очень трудно согласиться с этой формулировкой и поэтому он старался очень мягко с ними говорить. Он не анафематствовал их, он сослужил с ними, уговаривал их.

«Подождите, поймите главную суть!» А потом они уже поняли бы, зачем нужно использовать это слово. На первом Вселенском соборе, который состоялся в 325 году, присутствовала и арианская партия. Как Вы думаете, приняли бы эти богословы православный вариант? Вот если бы такое произошло сегодня, где-нибудь в Женеве или Нюрнберге? Чем бы занимались богословы на этом собрании? Искали бы консенсус. Но не так вели себя отцы первого Вселенского собора. Они много дней провели в поисках, но они искали повод поругаться. Они искали слово, которое вызвало бы возмущение у собеседников. Вот и предложили: «Христос-Сын есть Бог». Согласны? Конечно, православные согласны. И ариане также согласны. Если и они согласились, значит, здесь что-то не так.

Приведу пример из современной жизни. Лет десять назад в Москве состоялся шикарный прием по случаю прибытия гостей из Парижа. И встретил я на этом банкете раввина. Подходит он ко мне, и говорит: «Вы знаете, а ведь я тоже считаю, что Христос Бог». Он, наверное, думал, что я ради такого дела бокал с шампанским из рук уроню. Но он не на того напал. Я ему говорю: «Вы, очевидно, хотите сказать, что, согласно Псалтири, все евреи боги». «Да, все мы боги, и Иисус, как один из нас, в этом смысле тоже Бог». Вот когда ариане говорили, что Христос Бог, они применяли известный иезуитский принцип, который называется «резерватио ментали». То есть они знали, что собеседник понимает данное слово иначе, но не уточняли своего понимания. Как говорится: «За победу!», а в скобочках: «За нашу победу!» Зная эти приемы ариан, отцы Вселенского собора не соглашались с этой формулировкой. Дальше решили сказать: «Сын – это сила Божества». Ариане снова соглашались. Интересно, почему? Оказывается, в Священном Писании саранча названа силой Божества. Одним словом, долго искали и нашли термин, который нельзя перевернуть, «единосущный». Здесь все ясно: Сын и Отец одна

сущность. На этот раз ариане не согласились. Таким образом, православные нашли слово, с помощью которого смогли отделиться от ариан. Но тогда это не все понимали.

Однажды меня возмутила строчка из книги отца Иоанна Мейендорфа. Это великий церковный историк, богослов и писатель. Я всегда с любовью читаю его книги, но тут меня удивила фраза: «Величайшая заслуга святителя Василия Великого перед Церковью состоит в том, что он приручил монашество». Меня это возмутило: «Как это так, монашество – это древняя традиция, опора для Церкви, а тут его еще кто-то приручает!» Конечно, сейчас, познакомившись с историей монашества с момента его зарождения, я вижу, что отец Иоанн был прав. Во все века монашество – это полюс свободы Церкви. Монашество в Церкви – это школа демократии. Потому что монастыри сами избирают себе игуменов. Монашеская община сама выбирает себе духовника, казначея, сама вырабатывает себе устав. Это с точки зрения внешней. С внутренней же стороны монах – это человек, который менее всего связан с миром. У него нет своего имущества, семьи. И поэтому его труднее поймать, зацепить на крючок. Так, один поэт, который был склонен к монашескому образу жизни, написал: «Не верь, не бойся, не проси!» Это означает: «не верь обещаниям начальства, не бойся угроз начальства и не проси начальство ни о чем». Это искренность монашеской жизни. В этом случае можно вспомнить известную фразу: «выживание в ГУЛАГе». Если человек обрел эту свободу, то есть ни о чем не просит, не ожидает наград, не боится наказаний, он становится неуправляемым. А здесь уже важно не переступить грань. Так как при неправильном пользовании любая свобода выливается в анархию. И такое в истории Церкви было неоднократно. Достаточно вспомнить главный церковный конфликт, который произошел в VIII-IX столетиях. Это конфликт между монахами и патриархами. Между преподобным Феодором Студитом и его монастырем, с одной стороны, и Константинопольскими святителями – с другой, так называемая Акакианская схизма. Следует заметить, что с обеих сторон были святые люди. Преподобный Феодор Студит – с одной, и святители Тарасий, Мефодий и Игнатий – с другой. Сегодня также приходится сталкиваться со случаями, когда отдельные монастыри и даже монахи, для которых голос Синода, митрополита или патриарха

имеют второстепенное значение, пытаются высказывать свое личное мнение по поводу, скажем, налоговых кодов. Так вот такая свобода может вырождаться в анархию. И святитель Василий оказался в очень сложной ситуации. Так как многие монахи стали его оппонентами. Святитель Григорий Богослов пишет в одном из писем святителю Василию, что он был на каком-то празднике и за трапезой на него набросились: «Что, вы, мол, там с Василием! Почему еретиков не анафематствуете, сами вы тоже еретики...». Таким образом, мы видим, что слово, которое было выбрано на соборе, метко поражало еретиков, но при этом вызывало сомнения в церковной среде.

Вернемся к нашей теме о консерватизме. Это слово с латинского языка переводится как «сохранять». Но разные вещи хранятся по-разному. Например, если мы хотим сохранить книгу, это просто – поставить ее за стекло. Чтобы сохранить рыбу, нужно соль добавить. А что, если мы хотим сохранить школу? Не само здание школы, а школу как преемственность поколений. Для этого нам нужно будет делать обновления: принимать новых сотрудников, учителей и учащихся. Таким образом, разные вещи сохраняются по-разному. Иногда, для того чтобы сохранить, нужно обновить. Иногда, для того чтобы сохранить, необходимо что-то новое впустить. Так и сделал первый Вселенский собор. Для сохранения старой, апостольской веры он взял неапостольское слово и ввел его в святая святых христианства – в Символ веры.

После этого в Символе веры идет упоминание о рождении Христа от Духа Святого и Марии Девы, о распятии при Понтии Пилате. И вот здесь есть важные слова: «*Нас ради человек и нашего ради спасения...*». Это означает, что все происходит в мире ради человека. Как сказал один американский социолог: «Религия – это дерзкая попытка считать всю вселенную значимой для человека».

Далее в Символе веры говорится о вознесении Христа, Который «*воскрес в третий день по Писаниям*». С одной стороны, это историческое событие, описанное апостолами, с другой – то одно из главных упований христианства. И одно из самых главных различий между религиями мира заключается в ответе на вопрос: «Что Бог спасает?» В большинстве рафинированных философий говорится, что

Бог спасает душу, то есть самого себя. «Твоя душа – это частичка Божественного духа, на время вмещенная в клетку тела. И однажды Бог заберет эту частичку себе, вырвав ее из космоса. То есть будет спасено то, что итак не может не спастись». Христианство видит человека целостно. Христос пришел для всего человека. Поэтому и душу, и тело Христос хочет унести в вечность и воскрешает Свое тело и тела других людей.

Хотелось бы также обратить внимание на слово «*воплотившегося*». С одной стороны, это было евангельское слово: «Слово стало плотью». Памятуя эти слова апостола, отцы первого Вселенского собора сказали о рождении Христа в мир: «...воплотившегося...». Но спустя десятилетия, во время второго Вселенского собора, возникла трудность. Один из самых ярких защитников православных от ариан Аполлинарий сказал: «Вы знаете, Христос – это истинный Бог. И именно потому, что Он истинный Бог, когда Слово стало плотью, Божественный разум обитал в теле Христа. А раз в нем обитал Божественный разум, Христу не нужно было иметь кроме этого человеческого ум». Если у человека дома новейший суперкомпьютер с лазерным принтером, то зачем ему пишущая машинка? Но эта идея Аполлинария разрушала многое. Отцы собора восстали против него и сказали: «Если Христос носит человеческую плоть, но у Него нет человеческой души и ума, значит, я обманут: кожа и кости мои, а душа не моя. И вообще, как называется существо, у которого тело есть, а души нет?» Обезьяна? Значит, Христос «вообезьянился», а не вочеловечился? В итоге ко второму Вселенскому собору стало понятно, что Символ веры нужно дополнить. Вот его и дополнили словом «*вочеловечился*». И чтобы подчеркнуть человечность Христа, было добавлено «...от Девы Марии». И вот теперь мы подошли к самой интересной странице в истории христианской мысли. Все последующие соборы комментировали именно это положение Символа веры. Почему возникла необходимость спустя тысячи лет вернуться к этой теме? В проповедях индийских проповедников пантеистического толка встречается такое описание соединения человека и Бога: «Как капля дождя, падающая в океан, сливается с ним, так и душа человека соединяется с Брахманом». «Как искорка огня, поднимающаяся в небо, сливается со светом солнца, так и твоя душа сливается со светом Божества». Возникает вопрос: когда

человек встречается с Богом, что происходит с человеком? Ответ пантеистической философии: человек исчезает, растворяется в нирване, то есть происходит деконструкция личности. Представим, как трудно было античной мысли воспринять евангельскую мысль о том, что Бог, став человеком, не сжег человека. Что человек по имени Иисус сохранял всю полноту своей человечности.

Уже в V-м веке возникло течение монофизитов, которое дожило до нашего времени. Кстати, ариане также существуют и сегодня. Современные ариане – это Свидетели Иеговы. Монофизиты возникли в Армянской Церкви. «Монос» – один, «физис» – природа. Они говорили, что во Христе – Бог и только Бог, а человечность Христа – это маска, которую Он надел, чтобы мы не пугались, чтобы было легче с нами говорить. Мы, православные, в этом случае – дифизиты, так как согласно определениям четвертого Вселенского собора во Христе две природы: Божественная и человеческая.

Попробуем эти дискуссии перевести на бытовой язык. Десять лет назад в Курске я познакомился с одним молодым человеком, который является этническим армянином. Сейчас он священник Русской Православной Церкви. И для него это личная трагедия. Он армянин, родился и вырос на родине в семье армянских богословов. Изучая историю христианской Церкви, он к своему ужасу понял, что его родная Церковь не права, а права Греческая. Спустя некоторое время он переехал в Россию и стал священником Русской Церкви. По его словам, как только он встречается со своими знакомыми священниками-армянами, они ему говорят: «Слушай, зачем ты ушел в Русскую Церковь. Ведь мы, армяне, не монофизиты, мы верим, что Христос – это действительно человек. Мы анафематствуем Евтихия, Диоскора и других авторов монофизитской ереси. Мы верим в то же, во что верят русские. Зачем тебе нужно было переходить в Русскую Церковь?» В этом случае можно задать своим оппонентам один простой вопрос: «Если вы утверждаете, что наши вероисповедания одинаковы, тогда скажите, а ходил ли Христос по нужде?» И вот тут выясняется, что армяне ко всему прочему еще и докеты, то есть они считают, что Христос на самом деле не испытывал человеческих потребностей и страданий. Он как бы делал вид, что их испытывает. А по верованиям православных человеческое тело Христа тленно, но

неистленно. Вот об этом был спор в эпоху императора Юстиниана. Если человеческое тело Христа тленно, значит, в нем происходят пищеварительные процессы, то есть потребляемая пища переваривается. Это оказалось неблагочестивым. И даже сам император Юстиниан в конце жизни пытался навязать эту ересь Церкви. По всей империи были разсланы гонцы и требовали от людей подписать декрет, согласно которому тело Христа нетленно. Но если Его тело нетленно и в нем не происходят пищеварительные процессы, значит, Он какой-то инопланетянин. В скафандре Он прошел по земле, так и не став частью мира, не вошел в мир, не преобразил его. В ответ на эту ересь, автором которой является Юлиан Геликарнаский, православные богословы дали следующий ответ: «Тело Христа тленно, но неистленно», то есть процессы распада не могли победить тело Христа. Они там были, но они не могли разложить самого Христа. Но и в течение Его жизни, и когда Он был распят, и когда тело находилось во гробе, эти процессы проходили. А иначе Он не стал человеком, а только был похожим на него. Затем пятому и шестому соборам пришлось заниматься следующей проблемой монофизитства. Они говорили о том, что признают, что Христос был человеком. У Него человеческая природа без сомнения была, но она не действовала. Действовала только Божественная природа Христа, а человеческая только воспринимала эти действия. Своих стремлений у Христа не было. Это ересь моноэнергизма. Затем возникла ересь монофелизма. «Хорошо, у Христа было человеческое тело, человеческая душа, были даже человеческие действия, но вот желаний человеческих не было. Желания и воля у Него только божественные». Но тогда получается, что «Христос зомби». Против этих воззрений восстает преподобный Максим Исповедник и шестой Вселенский собор. И, наконец, седьмой Вселенский собор определил: «Если Христос человек, значит, Его можно запечатлеть. Христос – это человеческое лицо Бога, и этот человеческий лик Бога можно живописать. Поэтому возможна икона».

Мы с Вами перечислили догматы, принятые всеми Вселенскими соборами. Возникает вопрос, какой из них унижает достоинство человека, какой из них налагает нестерпимые оковы и кандалы на свободный полет человеческого разума? Вот когда смотришь на все

эти вещи, становится ясно, что Церковь, усиливая свои догматы, боролась за права человечности перед лицом Бога, пыталась доказать, что человек не растворяется в Божестве. Поэтому христианская догматика – это поистине гимн человеческому достоинству. Бог создал нас такими, что человек способен выживать в присутствии Его, не сгорать и не уничтожаться. Это и есть основа христианского гуманизма.

***

Из книги «Неамериканский миссионер» :

— Для далекого от богословских дискуссий человека споры о природе Иисуса Христа, о соотношении в Нем Божественного и человеческого нередко кажутся внутренними «разборками» между конфессиями, между течениями в христианстве. Неужели вся эта догматика так важна для человека, который хочет просто любить Его?

— Да, это действительно наши внутренние «разборки», но я не вижу в них ничего плохого и противоестественного. Разве не могут богословы серьезно говорить на своем языке? Почему, например, у физиков есть возможность обсуждать свои проблемы в кругу ученых, а как только богословы пытаются всерьез говорить на интересующие их темы на понятном для соответствующих специалистов языке, они тут же обвиняются в схоластике?

Жителям Бирюлево может быть абсолютно все равно, что происходит с электронами и какому закону они подчиняются, но каждому из них важно, будет ли в его доме гореть лампочка или работать телевизор. А ведь появление и работа этих приборов — прямое следствие дискуссий среди ученых-физиков. То же самое можно сказать и о богословии, потому что последствия споров ученых-богословов очень важны не только для тех, кто в них участвует, но и для всей человеческой цивилизации.

Наша культура очень целостна. Когда стоит красивое здание, то мы видим только то, что находится снаружи: стены, облицовку, рамы и так далее. Но держат все это мощные внутренние опоры, каркас, не видимый нами. Здание нашей цивилизации тоже зиждется на определенных столпах и опорах, создававшихся, в том числе, и в

богословских дискуссиях, и если хоть одна опора выходит из строя, то все здание начинает коситься, а сломай их две или три — и здание вообще рухнет.

Я приведу пример подобного, некогда почти состоявшегося, «просчета архитектора». Один из первых споров в богословии был спор о том, считать ли Христа подобным Богу или единым с Ним. Люди, получившие название ариан, утверждали, что Христос Богом не является, что Он не единосущен Богу Отцу. В греческом языке спор шел из-за одной-единственной буквы: единый — «омо», а подобный — «оми». Причем этот последний звук передавался двумя буквами — oi. Так вот, если бы только Церковь вставила в догмат эту самую маленькую, незаметную букву греческого алфавита — йоту (i), то эта новизна опустошила бы все музеи будущей Европы.

Логика была бы следующей: если Христос не Бог, то, значит, Бог к людям не приходил. Он остался по-ветхозаветному непостижим, трансцендентен и невидим. В этом случае мир христианства стал бы миром безликого Бога, и, как в исламе или иудаизме, запрет на Его изображение обрел бы полную силу. Не было бы ни Андрея Рублева, ни Микеланджело, ни Рембрандта; не было бы живописи ни сакральной (иконы), ни светской, как нет ее, например, в Саудовской Аравии или Ираке. Так что все «ненужные» богословские споры, как оказалось, напрямую влияют на жизнь каждого из нас.

Вообще, что такое догмат? Это честная констатация евангельских фактов. Догмат стоит на страже Евангелия, чтобы ничего оттуда не пропало. Одни люди, читая Евангелие, видят во Христе только Бога и не замечают Его человечества, другие люди, читая то же Евангелие, видят во Христе только Сына Человеческого и не замечают в Нем Бога. А догмат говорит: «Нет. Давайте брать Евангелие целиком: Иисус Христос — и Бог, и Человек одновременно. Каким образом? Мы не знаем, а просто констатируем факт, ведь не мы же писали Евангелие».

Многие люди боятся слова «догмат», но с тем же успехом можно испугаться и слова «мощи». Напомню, что с церковнославянского языка это слово переводится как «кости», «скелет». Кстати, Честертон говорил, что призыв освободить христианство от догматики сродни призыву освободить меня от моих костей.